

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА НАСЕЛЕНИЯ И ВЛАСТЬ

Действительность российской жизни выдвигает сегодня перед системой социальной защиты ряд новых задач. В силу непродуманности реформ под угрозой уже оказались не только интересы и потребности отдельных людей или наиболее ущемленных социальных групп, но и общества в целом. Известно, что жизненно важные параметры российского общества давно уже вышли за пределы нормы, стали угрожающими самому существованию социума (речь идет о масштабах безработицы, сокращении реальных доходов населения россиян, депопуляции населения, галопирующем росте девиантных явлений и т. д.). Специалисты говорят о предельно критических значениях жизненно важных показателей общества в целом [1, с. 86–94].

Тот факт, что в процессе радикальных социальных преобразований человек в очередной раз оказался в социальной среде, нарушающей его права и ограничивающей удовлетворение основных потребностей, далеко не случаен. Для России всегда было характерно невнимание к человеку, неучет его интересов, потребностей. Даже сама человеческая жизнь никогда особенно не принималась в расчет, не ценилась на Руси. Это выступало обратной стороной того, что Россия и российский менталитет были традиционно ориентированы на глобальные цели и проекты (типа построения коммунистического общества в советский период, глобальных изменений климата в интересах сельского хозяйства, построения рынка по западному образцу в процессе последних реформ и т. д.). Человек же являлся только средством достижения этих грандиозных целей и проектов, был «винтиком» в процессе их реализации. Имели место частые ломки социальной среды, в результате чего появлялись огромные армии дезадаптантов, безработных, бездомных и т. д.

Это особенно четко обнаружилось в ходе последней перестройки, приведшей к резкому понижению жизненного уровня большинства населения, снижению качества жизни, обесцениванию жизненного опыта значительной части людей и т. д. Нарушены основные права огромных масс населения. Поэтому назревшей является разработка новой системы социальной защиты. Защищать надо едва ли не всех — от произвола властей, их некомпетентности, коррумпированности, субъективизма, эгоистических интересов отдельных социальных групп и т. д. Разрабатывать новые Принципы социальной защиты надо, отталкиваясь от факта нарушения прав большинства населения (никто при этом не спорит о необходимости приоритетной защиты наиболее ущемленных групп населения).

Келасьев Вячеслав Николаевич (1950 г. р.) — д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой социальной работы факультета социологии С.-Петербургского государственного университета.

Адрес: 193060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, 9-й подъезд. Факультет социологии СПбГУ.
Тел./факс: (812) 271-99-86

Возникает вопрос: что нужно сделать для того, чтобы система социальной защиты действительно защищала интересы основных масс людей, страховала их от столь резкого падения качества жизни, ухудшения социального самочувствия и т. д.? Как надо ориентировать систему социальной защиты, чтобы интересы человека, его самочувствие, условия самореализации, качество жизни, в конце концов, удовлетворенность жизнью вышли бы на первый план, стали целью социальных изменений, а не были по-прежнему средством достижения очередных «великих» проектов или коррумпированных интересов очередных правящих групп?

Из чего следует исходить при разработке такой системы социальной защиты?

Во-первых, надо выделить базовые характеристики социальной жизни человека и создать систему их измерения в ходе тех или иных преобразований. Видимо, это показатели типа продолжительности жизни, удовлетворения основных потребностей, некоторые субъективные показатели и т. д. Их должно быть относительно немного, но они должны оценивать наиболее важные аспекты, связанные с человеком и условиями его самореализации, быть простыми в измерении. Необходимо, чтобы в обществе сложилась потребность в выявлении этих базовых характеристик.

Приурочивать измерение этих характеристик можно к моменту смены властных структур, заступления на должность того или иного властного лица (губернатора, мэра, премьера). Власть, осуществляющая социальную политику, должна знать, какое у членов российского социума состояние, а члены социума, в свою очередь, будут знать, что власть располагает системой контроля за результативностью своей деятельности и ориентируется не на свои субъективные интерпретации происходящего, а на объективные оценки, в которых, собственно, и выразится эффективность ее деятельности.

Разумеется, готовой системы показателей этих характеристик нет — их требуется сконструировать. Выскажем здесь некоторые соображения в отношении этих показателей.

Видимо, наиболее близкие к поставленной задаче показатели начали формироваться в русле проблематики образа жизни, некоторых разделов социальной работы, социальной психологии. Вероятно, это показатели, отражающие:

- уровень и структуру доходов и расходов;
- продолжительность жизни (это важнейший показатель положения человека в обществе);
- уровень образованности населения;
- структуру потребления;
- социальное и психологическое самочувствие человека;
- фрустрированность, невротизацию населения, социальную и психологическую напряженность;
- возможности для самореализации человека в различных сферах;
- уровень социальной патологии, окружающей человека (степень угрозы со стороны наркомании, преступности и т. д.);
- уровень общественного согласия (как условие самореализации человека в разных сферах и стабильности его существования) и ряд других.

Разумеется, чтобы они «заработали», требуются соответствующие статистические нормы, продуманное введение специфической социальной паспорта-

зации. Она должна стать такой же необходимой, как и экономическая паспортизация и статистика. Тогда и появится полноценная информация о происходящем с человеком в социальной сфере. К пользованию ею надо привлекать внимание и властных структур, вырабатывающих социальную политику.

В общий перечень показателей должны войти и показатели, характеризующие субъективную сферу человека. Это прежде всего показатели социального самочувствия (со всеми их составляющими в виде уверенности человека в завтрашнем дне, удовлетворенности жизнью и т. д.), субъективные оценки человеком своей жизни в начале, середине и, возможно, конце реформ. Человек оценивает реформу, скажем, в баллах от 1 до 10, располагая ее между «худшей жизнью, какую можно представить», и «лучшей», что позволяет выявить ее значения для него. Могут использоваться и другие показатели удовлетворенности, показатели баланса воздействий. Скажем, респондент отвечает («да – нет») на 10 вопросов типа: «Чувствовали ли Вы за последнее время:

- радость по поводу какого-либо события;
- отчужденность от других людей;
- что жизнь идет "как надо";
- постоянное ущемление Ваших потребностей?» и т. д.

Берется равное количество вопросов положительного и отрицательного характера: оценка общего благополучия получается как разность сумм утвердительных ответов по первой и второй группам вопросов. На основе таких показателей могут быть построены различные более сложные индексы благополучия [2, с. 118–120].

Рассмотренные субъективные индикаторы достаточно просты и потому, как справедливо отмечается в литературе, со всех сторон открыты для критики. Однако они обладают важным преимуществом по сравнению с объективными индексами: эти индикаторы можно применить при сопоставительных исследованиях качества жизни разных групп населения различных регионов страны и различных моментов времени, они способны выявить динамику происходящих изменений на уровне человека, так как опираются на общепринятые устоявшиеся понятия и представления, связанные с восприятием человеком условий своей жизни.

Можно иметь в виду и субъективные индикаторы для оценки удовлетворения основных потребностей человека – в пище, воде, жилье, образовании (согласно декларации ООН о правах человека, люди имеют право на удовлетворение основных жизненных потребностей). Человек – соответственно с тем, как удовлетворяются его потребности, – располагает показатели своих жизненных потребностей между полюсами шкалы:

Качество пищи

Крайне неудовлетворительное _____ Полностью удовлетворительное

Качество жилья

Крайне неудовлетворительное _____ Полностью удовлетворительное

Качество воды

Крайне неудовлетворительное _____ Полностью удовлетворительное

Качество образования

Крайне неудовлетворительное _____ Полностью удовлетворительное
Состояние здоровья
Крайне неудовлетворительное _____ Полностью удовлетворительное

Понятно, что надо стремиться к интеграции объективных и субъективных показателей.

Налаживание социальной паспортизации по подобным показателям повысило бы объективность нашей оценки о происходящем с человеком в социальной сфере. Такая паспортизация – непереносимое условие повышения социологической культуры общества. Пока же в результате отсутствия такой паспортизации в обществе нет реально работающего механизма оперативной обратной связи между населением и властными структурами.

Во-вторых, выделив эти показатели, надо ослабить монополию на их использование одними властными структурами, передать их под контроль компетентного общественного мнения. В итоге общественное мнение может, наконец, начать реально участвовать в управлении, хотя бы в сфере социальной защиты населения. Управление на базе общественного мнения, разумеется, не является панацеей от всех бед, но оно свободно от субъективизма властных структур.

Отметим, что идея устранения контроля властных структур над использованием информацией о жизненно важных показателях формулируется и другими авторами. Так, экологи говорят о необходимости передачи функции наблюдения за рядом экологических параметров общественному мнению, поскольку властные структуры не справляются с задачами контроля над состоянием среды [3]. Специалисты по социальным технологиям, констатируя факт беспомощности нынешних властных структур в решении задач социального управления, также говорят о целесообразности вывода из-под опеки властных структур ряда жизненно важных аспектов социума и передачи их под контроль общественного мнения [4]. Практическая реализация этой идеи означала бы придание большого веса негосударственному сектору в деле социальной защиты населения.

В-третьих, динамика жизненно важных показателей позволяет судить и об эффективности всей социальной политики властных структур. Целесообразно производить, скажем, замер этих показателей в начале деятельности той или иной властной структуры, потом через определенный интервал измерять, как повлияла проводимая социальная политика на базовые характеристики человека и реализацию его потенциала. По итогам динамики этих показателей можно судить об эффективности социальной политики. Исходить при этом следует из положений, которые очевидны и на уровне здравого смысла: в результате любой социальной политики недопустимо резкое падение продолжительности жизни (какими бы целями это не оправдывалось), падение уровня образованности населения, социального самочувствия, нарастание фрустрированности, невротизации населения, обесценивание жизненных ценностей и устоев значительных масс людей, размывание смысла их жизни и т. д. Профессионалам при этом следует договориться о допустимых колебаниях перечисленных выше базовых характеристик человека.

Нельзя не сказать, что такой подход частично реализуется уже на уровне знаменитого индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) [5]. Как известно, по этому показателю Россия за перестроечные годы резко откатилась назад — другое дело, что использование этого индекса не повлияло на оценку властных структур, вырабатывающих социальную политику. Конечно, эффективность социальной защиты человека могла бы резко усилиться, если бы на базе информации, представленной в индексе развития человеческого потенциала, возрастала ответственность российских властных структур за ухудшение этих показателей. Пока же ИРЧП в нашей стране выполняет чисто диагностическую функцию, фиксируя падение уровня развития человеческого потенциала в итоге проводимых радикальных преобразований.

Но набор показателей, по которым можно судить о положении человека в социуме, конечно, должен быть существенно расширен по сравнению с теми, которые включены в ИРЧП.

В-четвертых, получаемую диагностическую информацию надо сделать максимально гласной, доступной широчайшим слоям населения. Тогда любой гражданин России будет знать, какими были жизненно важные параметры человека в обществе в тот или иной момент времени, как повлиял на их динамику тот или иной государственный политик, насколько проводимая социальная политика защищает его права и интересы и каково «человеческое измерение» проводимой социальной политики. Скажем, если за годы перестройки продолжительность жизни, социальное самочувствие, уровень образованности основных масс людей резко упали, то оценка напрашивается сама собой. Для наглядности эту динамику оценок жизненно важных показателей можно представить в виде рисунков, изображающих динамику мимики человека. Не трудно, скажем, наладить систему оперативного контроля за социальным самочувствием человека, построить карты социального самочувствия по разным регионам России, разным городам, разным социальным слоям и группам. Для диагностики социального самочувствия можно использовать и цветовые тесты.

В-пятых, чтобы эта информация заработала, стала реальным фактором российской жизни, процедуру ее сбора, пользования и включения в процесс принятия решений в социальной сфере надо утвердить законодательно (скажем, на уровне Государственной Думы).

В-шестых, можно пойти и дальше — создать организационные условия для включения общественного мнения в процесс оценки работы властных структур, вплоть до их отставки, если постоянно ухудшаются жизненно важные показатели. Разумеется, для решения этого вопроса требуется проработка большого числа юридических вопросов. Но мы пока ставим вопрос принципиально. В случае его принятия, общество, будучи требовательным к своим «управленцам», вместе с тем позаботится о собственном социальном здоровье, оградит себя от произвола или некомпетентности властных структур, сделает их деятельность подконтрольной себе.

В-седьмых, исходя из того, что радикальные социальные преобразования всегда ведут к появлению огромных армий дезадаптантов, нарушают права и устои огромных масс населения, целесообразно резко ограничить права властных структур на радикальные (революционные) преобразования социальной среды. Человек вправе требовать стабильности собственного существования. А

у нас пока слишком много любителей радикальных преобразований социальной среды. У этой проблемы есть и иной — этический — аспект измерения. Если исходить из приоритета прав человека, то недопустимо, чтобы в итоге очередных радикальных преобразований обесценивался жизненный опыт, устои, базовые ценности огромных масс людей, как это обычно имело место в России. Спрашивается, кто дал право очередному реформатору, пусть и движимому весьма гуманной, как ему представляется, целью «преобразования» общества, разрушать эти базовые ценности и устои огромных масс людей? Такое право он присвоил себе сам. Но с точки зрения этики, это является нарушением прав других людей. У нас в стране к тому же традиционно господствовал плоский экономоцентризм; технократизм, о человеке никогда не думали, он всегда «болтался» на задворках сознания реформаторов. Но нам надо хотя бы осмыслить прошлое и сказать, что радикальные преобразования ведут к разрушению жизненных устоев, ценностей больших масс людей, нарушают их право на привычный стиль жизни, ломают формы адаптации к среде. Право на такие радикальные преобразования должно быть резко ограничено, специально оговорено в законодательстве.

Можно было бы сформулировать и ряд других требований к системе социальной защиты, вытекающих из специфики социальной ситуации в России. Скажем, помимо сказанного, требуется защищать человека от абсурдности, алогичности социальной среды, существующей вокруг человека уже в течение ряда перестроечных лет в результате непродуманности реформ. Вокруг человека сформирована социальная среда, заполненная противоречиями, взаимоисключающими требованиями, различными формами альтернативности. Адаптироваться к этой среде с помощью здравого смысла просто невозможно — человек распадется как личность, если он будет пытаться приспособиться к ней только на базе рациональных средств. Для адаптации к ней требуется принципиально иное средство — мифологическое мышление. И закономерно произошло понижение рационального компонента в мышлении и поведении человека. Человека надо защищать от деградации высших форм психики. Ведь в алогичной, абсурдной среде невостребованными оказываются его здравый смысл, рациональность. Для такой защиты требуются специальные технологии очищения мышления и сознания от мифов. Попытка разработки информационно-профилактического варианта таких технологий уже предложена [6].

Требуются и специальные технологии защиты человека от социальных взрывов и потрясений. При их разработке необходимо опираться на социальную политику, основанную на точном учете социально допустимых границ материальной имущественной дифференциации людей. Эта дифференциация в России пока приняла неконтролируемый характер. Расслоение общества достигло небывалых размеров, что создает угрозу социальных взрывов и нарушает социальную стабильность. Децильный коэффициент, измеряющий такие различия, говорит о том, что уже на протяжении ряда лет российское общество находится на грани социальных взрывов. Это нарастание, похоже, пока особенно не заботит властные структуры, во всяком случае, эффективно не корректируется.

В принципе, существованию человека и реализации его потенциала угрожают факторы двоякого рода: некоторые процессы, резко вышедшие за пределы нормы (ставшие необычно интенсивными), и ряд принципиально новых явлений.

Очевидно, за пределы нормы выходят наркомания, правонарушения, проституция, алкоголизм, самоубийства, распространенность различных тоталитарных сект. Они были в обществе и ранее, но сейчас каждая из этих форм социальной патологии создает угрозу человеку. Скажем, подростка, начинающего жизнь, подстерегает угроза стать и наркоманом, и правонарушителем, и адептом секты. Все это толкает значительное число людей на ложный, иллюзорный путь самореализации, уводя от истинных ценностей, разрушая здоровье и т. д. И человека требуется защищать от влияния этих ставших необычно интенсивными влияний. Здесь необходимы свои специальные технологии (профилактики наркомании, правонарушений, самоубийств и т. д.). Варианты таких технологий разрабатываются на кафедре теории и практики социальной работы СПбГУ.

В связи с тем, что сейчас очень многие процессы в российском обществе приобрели разрушающий характер, требуются соответствующие технологии возвращения их в норму. Для этого необходима активная социология, ориентированная на преобразование общества. К сожалению, она пока еще недостаточно развита.

К новым реалиям, угрожающим существованию человека, относятся СПИД, экологическая катастрофа, ядерная угроза, возможности психопрограммирования населения в интересах правящих социальных групп. От воздействия этих явлений тоже требуется защищать человека. Об этом давно уже пишут. Гораздо меньше конструктивных разработок по защите человека от этих новых реалий. В этом плане представляет интерес программа по профилактике ВИЧ (СПИД) [7, с. 3–10]. Программа в конечном счете ориентирована на то, чтобы защитить население такой крупной страны, как Россия, от этой массовой эпидемии, чумы XX, да и надвигающегося XXI века.

В результате наложения вышедших за пределы нормы процессов и появления принципиально новых угрожающих человеку явлений, а также захлестнувшей общество анархии, окружающая человека среда стала во многом агрессивной, враждебной человеку. В итоге идущие от нее стимулы подталкивают человека к деградации (через навязчивую рекламу табака, алкоголя, наркотиков, возможность физического и психического насилия и т. д.). Речь идет о распространившихся в обществе технологиях разрушения психического и социального здоровья человека. Под воздействием среды идет разрушение человека — и процессы эти пока недостаточно замечаются в теории социальной работы. С нашей точки зрения, в основу оздоровления среды должно быть положено понятие развивающей среды [8, с. 86–88]. Здесь важны конкретные критерии отличающие агрессивную среду от истинно развивающей и, разумеется, технологии по преобразованию имеющейся среды в развивающую.

Человек во многом продукт среды — это положение особенно важно для теории социальной работы. О том, какой потенциал может нести в себе окружающая человека среда, продемонстрировано в экспериментах Э. Ленджер и ее коллег по Гарварду [9, с. 94–97]. Они задались целью изменить среду, окру-

жающую людей в возрасте 75 лет, полностью переструктурировав ее в среду, которая окружала этих людей на 20 лет раньше, то есть как бы погрузив их в обстановку 20-летней давности. Эксперимент длился всего неделю, но результаты его впечатляющи: удалось повлиять на сам процесс старения людей (обострились зрение и слух, увеличилась мускульная сила, улучшилась память, даже повысился уровень интеллекта). Конечно, это предполагало и изменение самого сознания людей. Подобного рода результаты внушают оптимизм. Вывод и так, впрочем, ясен: изменяя среду, превращая ее в более комфортную, отвечающую глубинным интересам человека, можно добиться многого.

В этом смысле хотелось бы кратко высказаться о том, что российские СМИ также генерируют среду, работающую не на развитие человека, а на его разрушение (через доминирование сцен насилия, катастроф). К тому же ими сформирован вызывающий антипатию образ старости, сформирован стереотип пожилого человека как отживший свое, тормозящий социальный прогресс личности. Вместо социального здоровья они часто генерируют именно социальное нездоровье. К СМИ следовало бы поэтому предъявить ряд требований, вытекающих из сути понятия социальной защиты психического и социального здоровья.

Разумеется, те перспективные ориентиры, к которым мы призываем, в случае их осуществления будут подталкивать российское общество к трансформации (пусть и очень медленной) в некоторое более социально здоровое, комфортное для человека состояние. Построение такого социально здорового общества — одна из приоритетных задач социального работника в эпоху любых радикальных перемен (иначе они не нужны). Для определенности и осмысленности своих действий ему важно знать поэтому конкретные критерии социального здоровья общества. К их числу, с нашей точки зрения, могут быть отнесены:

- высокий статус человеческой личности во всех или большинстве подсистем общества;
- высокое качество жизни, высокая продолжительность жизни, высокий уровень социального самочувствия;
- высокая роль общественного мнения во всех сферах жизнедеятельности;
- возможности для самореализации человека в разных сферах;
- высокий уровень образованности (соответственно, высокий престиж образования, науки в обществе);
- протекание человеческого существования в рамках развивающейся (а не разрушающей) социальной среды;
- высокий уровень общественного согласия (как условия самореализации человека в разных сферах);
- не выходящие за пределы нормы показатели фрустрированности, невротизации людей;
- высокий уровень правосознания у членов общества;
- отсутствие резких (ведущих к социальным взрывам) различий людей по материальному, имущественному положению;
- стабильность социальной среды, недопустимость ее радикальных изменений;

- наличие устойчивых механизмов, осуществляющих трансляцию культуры от поколения к поколению;
- высокий уровень рефлексии, понимания происходящего в обществе большинством членов общества;
- информационная прозрачность общества, то есть доступность любой информации для всех заинтересованных в ней членов общества и т. д.

Подобные критерии способны задавать ориентир преобразовательной деятельности социального работника, социолога.

Формируя те или иные рекомендации по социальной защите человека, по профилактике наркомании или решая другие профессиональные задачи, социальный работник имеет дело с человеком в трудных жизненных обстоятельствах, на разных этапах его жизненного пути, он делает акцент то на окружающей его среде и регулирующей ее социальной политике, то на самой личности человека, то на взаимодействии личности и среды. Все проблемы социальной работы так или иначе группируются вокруг понятия человека, социальной среды и взаимодействия человека и среды. На эту группу понятий необходимо обратить особое внимание — это важно для построения будущей теории социальной работы. Известно, что социальная работа представлена сейчас множеством разобщенных направлений, ее теория не сложилась, нет объединяющих принципов. С нашей точки зрения, таким объединяющим принципом может выступить понятие самореализации на разных этапах жизненного пути (рассматриваемое в контексте различных социальных сред и ситуаций). Для этого надо, однако, прояснить смысл этого понятия применительно к разным возрастам — детскому, подростковому, пожилому. Например, в чем смысл самореализации для человека, только начинающего жизнь (младенца, ребенка, подростка, юноши)? Или: какие формы самореализации остаются для стареющего человека? Как сделать его жизнь достаточно содержательной при неизбежном обеднении жизненной среды, оскудении набора жизненных стимулов? Во что на этапе старости трансформируется смысл самореализации по сравнению с предшествующими возрастными этапами? Как, с точки зрения самореализации, подходить к самому конструированию социальной среды для пожилых и престарелых? Ведь сейчас, как известно, социальные дома, социальные центры для пожилых и престарелых подвергаются обоснованной критике — они не обеспечивают условий для самореализации — наоборот, они изолируют пожилого человека от общества, вырывают из социальной среды, порождая чувство ненужности, отчужденности [10]. Или: как конструировать социальную среду для проблемного подростка, несовершеннолетнего дезадаптанта?

Вокруг понятий самореализации и жизненного пути может группироваться значительное число проблем социальной работы. Поэтому надо вводить их в арсенал средств теории. Такое дополнение аппарата теории социальной работы позволит, думается, систематизировать, упорядочить ее проблематику.

Эта систематизация может начинаться уже с вычленения конкретных проблем конструирования социальной среды, необходимой для самореализации будущего человека (речь идет о подготовке будущих матерей, родителей к появлению у них ребенка). В социальной работе это развитое поле профессиональной деятельности. Человека еще нет, а конструирование среды, обеспечивающей его самореализацию, уже начинается. Это первый блок проблем, ко-

торый логически предшествует всем далее рассматриваемым в сфере социальной работы. Далее, появление человека на свет ставит проблему создания среды для самореализации младенца, ребенка, подростка. В соответствующих областях социальной работы сложились – и весьма солидные – наработки по созданию и конструированию таких сред. Потом возникают проблемы самореализации (и обеспечения условий для такой самореализации) у взрослых, пожилых, престарелых (о чем уже частично говорилось). В общем, вся проблематика социальной работы может быть упорядочена с позиций понятия самореализации в контексте основных этапов жизненного пути. Использование потенциала понятий самореализации и жизненного пути в качестве системообразующих при развертывании проблематики социальной работы представляется поэтому вполне обоснованным и закономерным.

Литература

1. Локосов В. В. Стабильность общества и система предельно-критических показателей его развития // Социологические исследования. 1998. № 4.
2. Социология. 1993–1994 гг. № 3–4.
3. Развитие местного самоуправления в России: Расширение опыта проведения референдумов: Материалы семинара. Челябинск, 1997.
4. Иванов В. Н. Социальные технологии в современном мире. М., 1996.
5. Жуков В. И. Потенциал человека: Индекс социального развития // Семья в России. 1996. № 1.
6. Зобов Р. А., Келасьев В. Н. Социальная мифология России и проблемы адаптации. СПб., 1997.
7. Козлов А.П. Активное профилактическое вмешательство – стратегия борьбы с эпидемией ВИЧ/СПИД на новом этапе ее развития в России // ВИЧ/СПИД и родственные проблемы. 1998. Т. 2. № 1.
8. Щербаков Н. Ю. О понятии развивающей среды // Молодежь в условиях социально-экономических реформ: Материалы международной научно-практической конференции. Вып. 1. СПб., 1995.
9. Чопра Д. Нестареющее тело, вечный дух. М., 1994.
10. Лекции по технологии социальной работы / Под ред. Е. И. Холостовой. Ч. 3. М., 1998.